

Раздел 1

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Т. Ф. Кораблева

БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ КАК СЛЕДСТВИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Такие социальные язвы как детская беспризорность, бомжи, терроризм и бандитизм не возникают на голом месте. Они обязательно связаны с политикой и идеологией, проповедуемой обществом. Так, обострившиеся в настоящее время проблемы беспризорности и безнадзорности в России во многом являются следствием развала Советского Союза, «деидеологизации» всех сфер нашей духовной жизни и отказа в 1990-е гг. от социального воспитания.

Хорошо известна общественная риторика тех лет: воспитание – функция семьи, главное дать человеку хорошее образование; социальное воспитание, отягощенное идеологией и политикой, не способно обеспечить свободу личности; коллективизм и дисциплина – пережитки прошлого.

Что же сегодня утвердилось взамен? Либеральная интеллигенция взамен прежней идеологии привнесла свою: свобода личности и ее прав, но, увы, без обязанностей и почти любой ценой; принципиальный индивидуализм; одобрение любой частной собственности, даже криминальной по происхождению; отказ от социальной справедливости. Есть, несомненно, и разумные принципы в новой идеологии: креативность, профессионализм, работоспособность личности. Но и здесь наблюдаются парадоксы: целенаправленным воспитанием трудоспособного гражданина общество не занимается, не культивирует трудовую мораль, зато приветствует всякого рода успешность и прежде всего – финансовую. Получается, что эта успешность возможна и достижима без постоянного труда. Романтизируется успех, случай, фортуна, выигрыш, получение всего, сразу и без усилий. Этот тезис подтверждается индустрией казино, игровых автоматов, игровых шоу, типичными сюжетами современных фильмов.

По данным министра внутренних дел РФ Рашида Нургалиева, на 1 июня 2005 г. у нас в стране насчитывалось два миллиона безграмотных подростков, миллионы подвергались различным формам насилия.

Нас накрыла 3-я волна беспризорности, как и после двух мировых войн XX в. Девяностые годы были конфликтными, но все же мировой войны не было, а беспризорных насчитывалось то ли три миллиона, то ли пять. Да и преступность как-то неестественно помолодела: ее средний возраст – 9 лет! Это значит, что ребенок начинает преступную жизнь уже в 6 лет. Правда, этот ребенок еще не знает своего счастья – он свободен. Воровать себе еду и не ходить в школу он может совершенно спокойно – у таких же, как он, свободных учителей в свободном обществе нет обязанности обходить дома в микрорайоне школы и брать на учет всех подлежащих обучению. Если это еще не беспризорность, то уже точно безнадзорность. За лето 2005 г. было задержано 140 тыс. таких свободных подростков, 20 тыс. из них без дома и родителей.

Появление беспризорности как социального явления отличается от склонности к бродяжничеству и романтическим приключениям детей подросткового возраста. За эту социальную язву отвечать должны в первую очередь либерал-реформаторы 1990-х гг., с их идеологией свободы личности во что бы то ни стало.

Если Феликс Эдмундович начал борьбу с беспризорностью, а такие педагоги как А. С. Макаренко ее осуществили, то масштаб наших правозащитников куда скромнее: им удалось снести всего лишь памятник Дзержинскому, а беспризорность осталась.

Если после 1917 г. страна массовой неграмотности под руководством *народной* политической элиты стала страной грамотных людей, то наша современная элита, получившая образование в лучших вузах СССР, в Гарварде и Кембридже, довела до прямой безграмотности миллионы детей, многие из которых в 15–16 лет не умеют читать и писать. Беспризорность 20–30-х гг. была платой за «преступный большевистский проект» в России, а нынешняя беспризорность – «естественная» плата за весьма относительную свободу большинства и вседозволенность избранных.

Беспризорность и отсутствие воспитательной политики верхи нашего общества заметили как проблему лишь в 1999 г. Тогда были приняты такие важные документы, как федеральная программа «Дети-сироты» (1999), Закон об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (1999), «Концепция воспитания и образования» (2000).

Через три года, а именно 14 января 2002 г., сам Президент потребовал справиться с беспризорностью. Выделили деньги, к уже существовавшим фондам и приютам добавились новые, но количество беспризорных в официальных сводках не уменьшилось. Благодаря приютам (их в Москве 15) на первый взгляд уличных детей стало как будто меньше. Но у приютов невысокая пропускная способность: 40–60 человек, и дети могут находиться там только в течение месяца, в крайнем случае – полгода. А что дальше? «Приют» доказал свою пользу лишь в качестве *временной*, очень краткой фазы в жизни социально неблагополучного ребенка. Его цель – приютить, накормить, обогреть, обеспечить документами и определить в приемную семью или детское государственное учреждение на более длительный срок. Но совершенно ясно, что дорогу к дому найдут единицы от общего числа нуждающихся, так как их уже миллионы.

Проблема столь масштабна, что для ее решения нужны уже *миллионы* педагогов и социальных работников. Совершенно очевидно, что необходимы новые меры по борьбе с беспризорностью. Это прежде всего создание загородных экопоселений с крепким агропромышленным производством. Без серьезного приобщения воспитанника к разнообразным видам деятельности, без труда со всей цепочкой трудностей и реальной ответственностью полноценное воспитание невозможно.

Это в большей мере касается городских школ, училищ и колледжей, где чаще ограничиваются словесным воспитанием и демагогическими соображениями о том, что учеба и уход за собой – это тоже труд. Таким образом, огромная страна умудряется целыми десятилетиями воспитывать подрастающие поколения без серьезного вовлечения в трудовую деятельность на современном уровне.

Международная макаренковская ассоциация совместно с журналом «Народное образование» с 2003 г. проводят конкурсы среди школ, колледжей, интернатов, детских домов на лучшие *школы-хозяйства*. Радостно видеть, что здравый смысл в педагогике сохранился, особенно в сельских школах. И мы очень дорожим этим. Целесообразность, здравый смысл, эффективность и технологичность педагогики Макаренко должны себя зарекомендовать снизу, в реальной современной практике.

Это, конечно, не означает, что педагогическая общественность России должна только наблюдать за теми новыми ростками макаренковского опыта, которые возрождаются в стране. Нужна большая работа по современно-

му прочтению наследия Макаренко без идеологических штампов. Необходимо преодолеть разнообразные фобии относительно феномена коллектива как такового. Ведь коллектив – это малая группа высокого уровня развития, ставящая перед собой социально ценные задачи. Разве современной России они не нужны? Фобии в восприятии коллектива явно есть, и поэтому коллективное воспитание многими сегодня воспринимается как атавизм прошлой эпохи. Для Макаренко же воспитание в коллективе и через коллектив – важнейшее и абсолютно принципиальное положение.

Антон Семенович доказал, что воспитание в коллективе, в котором сложилась четкая и ясная система реальной ответственности каждого за общее дело, на основе своих традиций, ритуалов, стиля, общего мажорного тона становится делом *легким* и для воспитанников, и для педагогов.

Макаренко не остановился на индивидуальной работе, моральных увещеваниях ребенка. Вместе с ребятами он наладил такую жизнь единого коллектива воспитанников и педагогов, когда собственно воспитательная работа была не видна. Вот почему его воспитанники не ощущали себя объектами педагогических усилий.

Напомним, что через учреждения Макаренко прошло около 3 тысяч воспитанников – и ни один не вернулся на преступный путь. Такой эффективности не знают даже элитарные учебные заведения, не говоря уже о спецучреждениях для подростков, где рецидив в 7–9% является нормой.

Свидетельством международного признания А. С. Макаренко стало широко известное решение ЮНЕСКО (1988), касающееся всего четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX в. Это американец Д. Дьюи, немец Г. Кершенштайнер, итальянка М. Монтессори и наш соотечественник А. С. Макаренко.

Антон Семенович далеко вышел за границы *педагогике трудного детства*, создав *педагогике будущего*, где вместо деклараций о свободе ребенка и его правах осуществляется *на деле* та мера свободы, которая только возможна для реального (неабстрактного) человека в реальном обществе.

Итак, беспризорность приобрела массовый характер, и мы должны признать то, что ни 3 млн детей, ни тем более 5 млн не найдут свою дорогу к дому, если мы будем продолжать идти сегодняшним путем. Почему бесценный опыт А. С. Макаренко, взрожденный на нашей родной почве, не используется в государственном масштабе? Может быть, мы ждем каких-то новых открытий в этой области, которым опыт Макаренко явно уступил

бы по эффективности. Но ведь и замены нет никакой. Очевидно, что лучшее в нашей стране отдается вовсе не детям и они не привилегированное сословие.

Для решения сегодняшних задач мало создавать фонды для борьбы с беспризорностью. Лучшие силы страны необходимо бросить на создание загородных экопоселений (опыт в стране и мире есть), общин, коммун, семейных детских домов. Архитекторы, строители, экологи, педагоги, экономисты, менеджеры, директора предприятий, бизнесмены способны сегодня разработать такие проекты, о которых мы и подозревать не можем, – была бы государственная воля, общественная поддержка и личная заинтересованность. Ведь все открытия, как известно, от нужды.

Если мы хотим макаренковских результатов, то за основу работы надо брать его принцип приоритета воспитательных целей при современном менеджменте в области производства и сельского хозяйства, допустить (дорастить) ребят до серьезной работы с такой же ответственностью, материальной и моральной отдачей, параллельно преодолевать запущенность в учебе. Однако максимум чего можно потребовать от подростка, попавшего в приют, – подежурить в коридоре. Другой деятельности там для него нет, а ведь он полжизни своей прожил на «вольных хлебах» и явно старше своего фактического возраста. В городских школах та же ситуация: игра в труд при огромном естественном желании подростка серьезно работать и чувствовать свои растущие силы и возможности. *Досуговая педагогика* тратит свой запал на организацию развлечений разного рода, добавляя к иждивенчеству потребительство.

Вопрос о трудоустройстве подростков на работу хотя бы в каникулярное время десятилетия так и не находит удовлетворительного решения. С этим не смогли справиться ни при социализме, не могут и сейчас, причем тогда из-за избыточной заботы о детях (пусть отдыхают!), а сегодня из-за недостаточной заботы (не до вас!). Лучшие педагоги, журналисты нашей страны В. Кумарин, А. Радов, И. Сеницын в 1970–80-е гг. не только ставили вопросы о том, *что* доверить детям, но и искали возможные пути. Мы узнавали о Кубракове, Карманове, Католикове, о замечательном опыте сельских школ, все ценное в котором всегда имело опору на идеи Макаренко.

Несмотря на то что педагогика здравого смысла, школа жизни чувствуют себя менее уверенно, чем педагогика досуга и школа учебы, не следует обществу отказываться от поисков решений. Не может быть нере-

шаемых задач. Если казавшиеся еще недавно фантастикой Интернет, электронная почта, мобильная связь, новые способы хранения информации на наших глазах стали обыденностью, то задача обеспечения подростков сильной и привлекательной работой, а по Макаренко, еще и социально значимой, – все еще остается недостижимой.

В острой борьбе двух направлений – демократического (социального) и антидемократического (элитарного) в образовательной политике в течение последних 15 лет победу одержало последнее. Все настойчивее звучат требования гуманного и справедливого отношения общества и власти к молодежи с апелляцией к педагогике А. С. Макаренко. Намечается преодоление узкого понимания его педагогики либо как только пенитенциарной, либо как специальной педагогики для школ интернатного типа, либо лишь как достояния истории педагогики. Подтверждение тому – набирающие год от года мощь Международный макаренковский конкурс и всероссийские Макаренковские чтения. Рост количества участников этого движения, появление студенческих педагогических отрядов говорят о «прорастании» ростков макаренковской педагогики снизу.

Международная макаренковская ассоциация и делающая свои первые шаги Российская макаренковская ассоциация поддержат любой ценный опыт продуктивной занятости детей и подростков. Мы будем искать союзников, партнеров в стране и за рубежом для выдвижения лучших альтернатив российскому детству.

**Н. Г. Санникова,
Т. В. Котосина**

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Детская беспризорность и безнадзорность существуют со времен образования семьи как ячейки общества. В связи с этим еще в дохристианской Руси в родовой общине славян появилась традиция заботиться о сиротах «всем миром» [2, с. 92]. Начало формирования государственной политики заботы о детях-сиротах связывают с принятием христианства. Так, 99 статья Русской правды вменяла в обязанности опекунов «печаловаться» о сиротах. Термин «печаловаться» означал заботу по воспитанию сирот,